

ДЕЯ НИРА

⚠
18+

Эржебет

ХРОНИКИ
ПРОКЛЯТЫХ

Дея Нира Эржебет

Серия «Хроники проклятых»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74124301
ISBN 978-5-222-49058-7*

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Графиня Эржебет Батори. Ее имя отчаянно пытались предать забвению, но некоторые истории обладают силой превращаться в легенды. Будто сама земля хранит воспоминания дней, откуда доносятся голоса призраков. Их голоса так пронзительны, что само время отступает перед ними. Эта история началась в родовых поместьях венгерской знати. В ореоле богатства и славы своих предков выросла девушка, в жилах которой текла кровь королей и рыцарей, красота вызывала восхищение, а богатство – зависть. У нее было все, чего она могла бы пожелать. Кроме одного – власти над вечностью. Ведь неумолимое время не щадит никого...

И вот по округе ползут пугающие слухи о бесследно пропавших. Дурная молва распространяется как ядовитый туман, отравляя сердца людей ужасом. Что таится в тени роскошных замков, чьи стены способны заглушить крики отчаяния? В XVIII веке иезуиту Ласло Туроци волею случая попадают в руки судебные документы по делу Батори. Содержимое так впечатляет его, что он отправляется по следам зловещей легенды. Но чем больше исследователь погружается в прошлое, тем яснее понимает, что оно не исчезло, а лишь затаилось в тени старого замка и местных преданий.

Прочтите же повесть о Кровавой графине, рассказанную разными голосами. О том, как череда роковых случайностей порождает чудовищ. О том, что дьявол кроется в деталях. Историю, где правда сочетается с вымыслом, превращаясь в мрачную легенду, над которой не властно время.

Содержание

Оживающие фантомы	7
Глава 1. Эржебет	13
Глава 2. Туроци	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Дея Нира Эржебет

© Текст: Дея Нира, 2026

© Художественное оформление: Данияр Альжапар, 2026

© Оформление: ООО «Феникс», 2026

© В оформлении книги использованы иллюстрации по лицензии Shutterstock.com

Оживающие фантомы

После того как я дочитала первую рукопись «Хроник проклятых», старый дом на какое-то время погрузился в молчание.

Затаившиеся в нем тени не двигались. По-прежнему грохотались пыльные стопки бумаг и книг, в мутных окнах дрожали капли дождя. Казалось, дом замер в ожидании. Из ниоткуда доносились отголоски сражений, лязг оружия, крики и мольбы о пощаде, шелканье острых зубов...

Шум дождя заглушал все прочие звуки, но теперь он стих, и каждая ветка, царапавшая стекла веранды, превращалась в когти голодных порождений ночи, притаившихся снаружи. Среди темных очертаний кустов сирени мерещились бледные лица мертвецов и стригоев с хищными глазами. Яркий свет лампы привлекал ночных бабочек, и размеренный шорох их тонких крыльев, постукивание о стекло отзывались беспокойным биением сердца.

От разыгравшегося воображения тьма сгущалась, становясь вязкой, как смола, хотя стоял самый разгар белых ночей. Такой темноте было попросту неоткуда взяться, но, видно, нечто мрачное и потустороннее уже вырвалось на свободу с пожелтевших от времени страниц, чтобы поселиться поблизости.

Его тихое, зловещее присутствие настойчиво напоминало

о себе: малейший скрип половиц, едва различимые шорохи на чердаке, жалобный вой ветра убеждали в реальности призраков и теней, явившихся из прошлого.

Они ждали своего часа – терпеливо, сдержанно, – когда человеческая рука коснется забытых папок, когда ее тепло оживит застывшую во времени историю. Заметки в рукописи отсылали к старым церковным хроникам и фольклору карпатских деревень, и порой между строк ощущался их мистический, неизбывный страх перед неведомым.

Постепенно весь дом словно пришел в движение: хранитель забытого сна оживал. Он больше не был обречен ветшать и разрушаться. Воображение превращает мертвое и уснувшее в живое и подвижное – в то, что дышит и обретает собственную плоть и кровь.

Несмотря на запах плесени и пыли, дом будто источал уверенность и даже некую благородную горделивость тем, что стал прибежищем чужих тайн. Невольно я проникалась к нему уважением – не только из-за смутных воспоминаний, связанных с этим местом, но и потому, что он напоминал старинную шкатулку с секретом. Внутри скрывались шкатулки поменьше, и, лишь открывая одну за другой, можно было добраться до самой последней. Я надеялась, что удастся открыть их все.

Поддавшись мрачному, но притягательному очарованию старого дома, я потянулась к следующей папке. Ощущая смесь болезненного любопытства и тревожного предвкуше-

ния, я еще не знала, что скрывается под замшевой обложкой.

Когда-то этих вещей касались другие руки. Теперь они стали частью моего неожиданного наследства.

Чужое и далекое прошлое становилось моим.

Несмотря на усталость и волнение, хотелось продолжать чтение: старый дом все еще не желал отпускать. Я подчинилась этому настойчивому зову и открыла вторую рукопись, не ожидая увидеть ничего, кроме исписанных или отпечатанных четким машинным шрифтом страниц. Однако приклеенная за уголок черно-белая фотография заставила ощутить причастность к чему-то тайному, скрытому от посторонних глаз.

Я осторожно потянула за край снимка, и он с легким шуршанием оторвался от страницы. Тетю я узнала сразу: задорно вздернутый подбородок, непокорные кудри вокруг лица, уверенный, дерзкий взгляд. Если бы не широкая, располагающая улыбка, она могла бы показаться недружелюбной – при всем своем внешнем шарме. Тетя всегда была своевольной и решительной, и это играло как в ее пользу, так и против нее.

Я вглядывалась в незнакомые лица. Небольшая группа людей стояла у стен то ли старинного замка, то ли крепости. Судя по одежде и внешнему виду, снимок был сделан в самом конце XX века. Перевернув фотографию, я узнала тетин почерк:

«С делегацией археологов и историков приехала в замок

графини Батори в Чахтице (при ее жизни замок еще называли Чейте – по-мадьярски). Той самой, о которой ходят жуткие легенды... Экскурсовод на невинную шутку о призраке мертвой графини отчего-то отреагировал нервно. Это лишь усилило мое любопытство. А может, туристы слишком часто задают такие вопросы? Судя по старым рисункам, замок был большим и прекрасным. Жаль, что теперь он в очень плачевном состоянии – зарос травой и почти полностью разрушен. Впрочем, уже говорят о выделении средств на его частичную реставрацию. Не знаю, вернусь ли я сюда когда-нибудь. Мне бы этого хотелось».

Графиня Батори.

Пролистав несколько страниц, я убедилась: речь шла именно о венгерской графине Эржебет Батори. Когда-то современная Словакия, на территории которой находится Чахтицкий замок, входила в состав Венгерского королевства.

С нетерпением я вернулась к началу рукописи, намереваясь приступить к чтению, когда рядом внезапно раздался жалобный скрип половиц – словно кто-то сделал шаг в мою сторону.

От неожиданности папка выскользнула из рук, и часть листов рассыпалась по полу. Я бросилась их поднимать, мысленно поблагодарив тетю за то, что все страницы были пронумерованы.

Разбирая бумаги, я случайно заметила едва различимую

паметку на полях. Она была сделана простым карандашом и почти стерлась. С трудом мне удалось разобрать несколько строк:

«...в Будапеште, в архиве, разговорилась с пожилым историком. Он убеждал меня в существовании малоизвестного культа или тайного общества, состоящего из аристократов, одержимых идеей бессмертия. Они считают себя наследниками Батори, Дракулы и других легендарных фигур, овеянных зловещим ореолом. Служители этого общества поклоняются некоему существу, способному даровать избранным бессмертие и особую власть. Очередной миф! Отнеслась скептически, но с интересом. Попробую узнать больше. Старик был очень мил и любезен, несмотря на слегка безумный вид...»

Теперь стало ясно: эти страницы не оставят меня в покое, пока я не прочту их все.

Мне предстояло снова погрузиться в записи и размышления женщины, улыбающейся с фотографии и ныне покоящейся на городском кладбище. И все же казалось, что она незримо присутствует здесь, готовая поведать еще одну мрачную историю – ту, на основе которой появится роман, если судьбе будет угодно увидеть его напечатанным.

Под тихие шорохи старого сада за окном дом медленно погружался в сонное оцепенение.

«Хроники проклятых» готовились обрести жизнь.
И вместе с ними, вероятно, пробуждалось нечто иное.

Глава 1. Эржебет

1570 г.

Через узкую лесную прогалину, подхватив подол платья, бежала девочка. Проворные ноги в легких башмачках быстро мелькали в траве, черные волосы летели и трепетали на ветру, словно вороны крылья.

Она торопилась скорее спрятаться под шелестящую сень деревьев, где ее не заметят посторонние взгляды, если какой крестьянин из окрестных деревень вздумает пройти здесь. Правда, девочка знала, что в эту ночь мало кто осмелится отправиться в глухую лесную чащу. Разве что заблудившись.

А вот она осмелилась. Не удержала вспыхнувшего болезненного любопытства, наслушавшись нянькиных сказок. Девочка невольно улыбнулась, вспоминая заунывную песенку старой няньки о победе христианского святого над коварным змеем.

Там, у домашнего очага было тепло: огонь прыгал по березовым поленьям, пожирая одно за другим. Его спасительный свет прогонял из углов безмолвных духов, прятавшихся в каждой тени. Борьба света и тьмы под негромкое прерывистое бормотание увлекала, заставляла слушать.

Дети сгрудились вокруг сонной няньки, широко открыв глаза, боясь пошевелиться. Старший, Иштван, изо всех сил старался не показывать, что напуган, и хвастался, будто сумеет одолеть любую нечисть своей саблей. Ведь, как известно, выкованное умелым кузнецом железо отменно противостоит всяким адским созданиям. Несмотря на это две младшие сестренки, Клара и Софья, вцепились друг в друга, но продолжали слушать, испытывая ужас и восхищение перед неведомыми силами, которые могли находиться так близко от них.

Одна Эржебет не боялась и не тряслась. Чем больше страшала нянька страшными сказками детей, тем сильнее в ней разгорался неведомый огонь. Она понимала, что так их хотели заставить держаться подальше от дремучего леса, не покидать замок в одиночестве и уже тем более ночью! Да еще и в праздник Святого Георгия, когда довольная нечисть гуляет всюду, разыскивая слабые и податливые христианские души, когда жадные до крови босорки блуждают вокруг домов, чтобы нападать на людей и скот.

– Няня, неужто от них нет никакого спасения? – пролепетала тонким голоском Клара, со страхом поглядывая на плотно запертую дверь, за которой могла притаиться коварная босорка. Она ясно представила себе сгорбленную уродливую старуху с косматой головой, торчащими острыми зубами и скрюченными пальцами с длинными когтями – такими, что могли впиться в нежное, слабое детское тело.

– Есть, конечно, – гнусаво и торжественно проговорила нянька, когда Клара, оглядываясь по сторонам, ухватилась за ее заляпанный маслом передник. – Самая лучшая защита – крепкая молитва! Молиться надо обязательно утром и вечером и делать вот так, – нянька, будучи доброй католичкой, медленно перекрестилась дрожащими пальцами. Эржебет тоже перекрестилась, но больше из уважения к Богу, чем от страха.

– А еще? – прошептала Софья, нервно кусая губы. По ее мнению, злая ведьма могла притаиться в любом темном углу замка, а их просто не счесть. Сегодня она и носу не покажет за дверь до самого рассвета!

– Недурным средством от нечисти еще служат терновые ветки, положенные крест-накрест на окне или у двери, – задумчиво пробормотала нянька.

Эржебет тут же представила: если спрятать грубые башмаки служанки, что растапливает у них в комнате очаг, той придется делать это босиком, чтобы избежать наказания за нерадивость, и как только она появится у двери, то наступит впопыхах на ветку с шипами. Вот будет крику! Эржебет даже прыснула со смеху, чем нарушила витавшее напряжение и благоговейную тишину. Несколько взглядов остановились на ней. На вытянутых от удивления лицах она рассмотрела смесь страха и недовольствия.

– Тебе не будет смешно, когда тебя утащит босорка, – заявил Иштван. – Вмиг сожрет!

Эржебет воинственно подняла подбородок.

– Вы просто жалкие трусишки! Никакая нечисть не появится в нашем замке без моего дозволения. Стража вмиг спустит шкуру с любой босорки.

– Эржебет, не кричи так, мне страшно, – взволнованно попросила Клара, а нянька кивнула головой, соглашаясь. – Вдруг она тебя услышит!

– Непременно услышит, – сказала нянька, выпятила челюсть и погрозила пальцем. – Босорки особенно любят непослушных детей, их сладкую, невинную плоть, – при этих словах младшие девочки взвизгнули от страха. – Они особенно рады сотворить любое непотребство против Бога, потому что служат дьяволу. Если не принять меры предосторожности, злые духи найдут особый подход, как украсть душу и заставить ее служить себе. Они очень изворотливы и хитры, могут принять любой облик, поэтому всегда осторожно давайте любые обещания, которые могут навредить вам.

– Значит, злой дух может сделать все, что ни попросишь? – спросила Эржебет, и глаза ее заблестели.

– Должно быть, но я всегда усердно молилась, была послушной, и потому нечисть обходила меня стороной, – нянька пожала плечами и устало потянулась. – И вам следует делать то же самое. Так что полезайте скорее в постель и вознесите хвалу Господу, который бережет вас.

Все охотно подчинились, кроме Эржебет. Сердце ее кололось от волнительного предвкушения. Сегодняшняя ночь

– особенная! Ходили слухи, что в окрестностях время от времени собираются ведьмы, чтобы справлять шабаши, а в ночь Святого Георгия они уж непременно пожелают воздать почести своему темному властелину.

Она едва дождалась мгновения, когда нянька уснула у затухающего очага, когда смолкли тихие перешептывания сестер, а брат перестал встревоженно вертеться с боку на бок. Распаленное сказками воображение манило броситься прочь, укрыться среди бескрайнего леса, отыскать неведомое.

Но прежде... Эржебет пробралась в маленькую каморку знахарки, что жила в замке. Та храпела, открыв беззубый рот, и девочка удивилась, как можно было спать в такую волшебную ночь. Она понимала, отчего Зора теперь уснула так крепко, что ее и гром не разбудит. Рядом со старухой стоял кувшин с вишневым палинкой¹, к которой та имела сильное пристрастие. Но оно и к лучшему. Так Эржебет заберет то, что знахарка ни за что бы не позволила ей взять.

Накануне она уже была здесь, когда старуха испугалась и даже рассердилась на нее, стоило Эржебет схватить один маленький сухой стебель цветка, чтобы попробовать на вкус его лепестки.

– Берегись, моя маленькая госпожа, – таинственным и лихорадочным шепотом сказала она. – Стоит в ночь Святого Георгия положить этот цветок под язык и позволить соку со-

---

¹ Палинка – крепкий спиртной напиток на основе фруктов.

единиться с твоей кровью, как ты обретишь способность переноситься по воздуху, видеть демонов и мертвых. Но если дух цветка отвергнет тебя, ты умрешь в страшных муках, ибо не каждому дано жить на границе света и тьмы. Берегись и не испытывай судьбу!

Эржебет думала об этом весь день и весь вечер. Старой Зоре так и не удалось запугать ее. Возможность увидеть призраков была куда заманчивее.

Выбраться из замка оказалось довольно просто: Эржебет давно исследовала все его закоулки и тайные переходы. Она изучила их несмотря на то, что ее ловили несколько раз и наказывали за ослушание. Не страшил и сгустившийся за окнами мрак. Эржебет знала, что в темноте очень хорошо прятаться. Если отринуть страх и сомнения, то тьма может стать твоей близкой подругой.

Оказавшись под сенью трепещущих на ветру дубов, девочка перешла на быстрый шаг и прислушалась. От долгого бега дыхание сбилось, стало неровным, и, чтобы унять колотящееся сердце, Эржебет глубоко вдохнула несколько раз, глядя в черные силуэты деревьев.

Сегодня лес мог быть особенно молчаливым, если бы не порывистый ветер. Волчий вой пронесся тоскливым эхом где-то далеко и тут же смолк, потерявшись между небом и землей. Эржебет не знала, куда именно стоит идти дальше: кругом простирались сплошные холмы и горы, зарос-

шие лесами. Служанки в замке испуганно переговаривались о расползающихся по окрестностям тревожных слухах, будто жуткая нечисть облюбовала эти места для проведения своих мерзких обрядов и время от времени люди бесследно пропадают в лесах.

Эржебет представила себе, каково это – исчезнуть совсем. Что это значит?

Она нахмурилась, припоминая, что еще говорили в замке. Что нечисть прячется в самом непроходимом и дремучем месте, там, где любопытные не смогут потревожить созданий тьмы, а если и отважатся, то их непременно настигнет суровая кара. За буковой рощей возвышалась мшистая гора, на южном склоне которой по весне зацветал дикий шафран. А за горой пролегали самые дремучие леса в здешних краях, где деревья точно скрывали что-то от любопытных глаз. Едва Эржебет подумала об этом, в сердце екнуло.

Если прежде мысль сбежать из замка посреди ночи казалась ей забавой, то теперь всю ее захватило выжидание волнующего мгновения встречи с неизведанным. Тем, что таилось во тьме и приносило страх, чего боялись и в унылых крестьянских домах, и в роскошных неприступных замках. Ведь тьма имела власть над каждым, и ее владения простирались всюду.

Эржебет глубоко вздохнула перед тем, как извлечь из рукава тонкий стебель с высохшим цветком. Он был такой хрупкий, такой слабый. Неужели он и правда способен свя-

зять человеческий дух с потусторонними силами, пробудить скрытое глубоко внутри?

Она облизнулась и медленно положила под язык цветочный стебель. Во рту захрустело: разлился сладкий вкус, сменившийся горечью. Затем губы и язык слегка онемели, а в груди возникло нечто легкое и воздушное.

«Сюда, дитя... Сюда...»

Глаза у Эржебет произвольно распахнулись, но скорее от удивления, чем от испуга. Она прислушалась, гадая, не почудился ли ей этот таинственный шепот или всему виной шелестящие над головой листья. Даже если и так, то ей захотелось поверить, что нечто откликнулось на ее приближение и теперь звало за собой. Буковая роща спала: не было ни птичьего крика, ни блеска хищных лисьих или волчьих глаз. Сонное, странное оцепенение охватило окрестности, словно все жители спрятались, затаились.

За рощей показались белые камни мшистой горы. Оставалось обойти ее, чтобы увидеть высокую, непроглядную стену дремлющих зеленых великанов. Они прижимались друг к другу, как в невиданном танце, сплетаясь руками-ветками, обвитыми плющом. Ни один всадник не проедет там, ни одна карета. Эржебет подумала, что, будь она сама босоркой, непременно выбрала бы такое место – тихое и заросшее. Нечего тут делать людям, не стоит тревожить лесных духов и прочих обитателей темных прогалин и расщелин.

В ее маленьком сердце не было ни тени страха, однако

под сенью огромных дубов, буков и елей она все же невольно чуть оробела.

«Сюда...»

Чего уж там! Эржебет решительно потрянула волосами. Снова вздернула подбородок. Или она не Батори? На их гербе изображен дракон, в их роду – короли и знатные воеводы. Ей ли бояться темного леса?

– Я ничего не боюсь, – заявила она, обращаясь куда-то во тьму. Снова закачались зеленые пышные кроны, посыпались листья, но в этих шорохах Эржебет слышала лишь приветствие и никакой угрозы.

Ей пришлось преодолеть несколько поваленных стволов, через которые она перебралась, погружая пальцы во влажный мох и выросшие из трухлявой коры грибы. Лес дышал, он был живой и молча взирал на непонятно откуда взявшегося здесь ребенка.

Горечь на языке растаяла, но осталось странное, неизвестное доселе чувство, словно внутри нее проснулся кто-то еще. Тот, о ком она не знала. И теперь они были вдвоем в ее теле. Это было так удивительно... Так необычно! И еще... она будто видела себя со стороны.

Как в зеркале.

Эржебет прислушалась к далеким, неясным звукам и взгляделась в ночной мрак. Ей показалось, что вдали меж деревьев мелькнули огни. Снова занялось, застучало сердце – от предвкушения, от какой-то дикой, неистовой радости. Что

она там увидит? Что найдет?

Чем ближе она подбиралась к мерцающим огням, тем громче и отчетливее становилась песня. Это была самая странная, самая непонятная мелодия из всех, какие ей только доводилось слышать, а слышала она немало песен на праздничных гуляниях в замках, поместьях своей семьи или в деревнях.

Меж темных стволов деревьев что-то носилось по кругу, не останавливаясь. Длинные тени мелькали и исчезали во мраке леса. Под отрывистые удары бубнов и визгливые переливы флейт двигался неистовый хоровод обнаженных тел, содрогавшихся в диком танце. Обнаженные женщины с раскрашенными лицами воздевали руки к небу, выкрикивали что-то бессвязное, голоса на все лады. Эти звуки пробирали до самого нутра, но Эржебет не могла отвести потрясенного взгляда от небольшой опушки, скрытой от остального мира. Женщины громко призывали кого-то явиться сюда, их протяжные стоны и вопли заставляли сердце биться быстрее, и Эржебет почувствовала, как на теле выступает испарина.

Хоровод вокруг жаркого костра становился все быстрее и иступленнее. Когда пляска достигла апогея и от безумного экстаза у танцующих подогнулись ноги, они с криками повалились в траву, выгибаясь и содрогаясь, словно в припадке.

– Приди, о приди, Господин... – умоляли они жалобно. – Мы твои самые преданные слуги! Мы принесли дары, чтобы порадовать тебя!

Земля гулко дрогнула в ответ на призыв. Откуда-то подул ледяной ветер, обдав разгоряченные тела холодом подземелья. В воздухе разлилась едкая горечь, в которой смешались тошнотворные запахи падали и мокрой козлиной шерсти. Эржебет невольно зажала рот и нос рукавом платья, но не могла отступить, не могла развернуться и убежать прочь. Ее с необъяснимой силой манило происходящее на лесной опушке. Нечто внутри нее удерживало ее здесь, вытесняя страх.

Голые тела, лежавшие в траве, зашевелились. Женщины встали на колени, с наслаждением втягивая воздух. Радостным блеском засияли их безумные глаза. Стон восторга вырвался из вздымающейся груди каждой из них.

– Мы повинемся тебе! Приказывай! – завопили они, и снова конвульсии сотрясли их мокрые от пота тела.

И тут... Тьма начала сгущаться вокруг костра. Она медленно выползала из глубины леса, чтобы поглотить освещенную бликами огня опушку. Даже пылающий костер начал гаснуть, а языки пламени, пляшущие по раскаленным головням, притихли. Осталось едва заметное мерцание желто-красного огня, робко прижимающееся к земле.

Где-то в этой тьме послышалась мерная, тяжелая поступь. Так ступают копыта коня, который неторопливо бредет в поисках пропитания, выискивая сочную траву. Если это и был конь, то очень тяжелый и огромный. Что-то пробиралось сквозь дремучий, заросший кустарником лес, с оглушитель-

ным хрустом ломая толстые ветви, как хрупкие лучины.

Эржебет ясно различила дрожь земли, которая передалась и ей. Все в девчонке затрепетало, пришло в необъяснимое волнение. Как ни пыталась она разглядеть что-то во тьме, ничего увидеть не удавалось, кроме слабых языков костра и смутных очертаний обнаженных тел. Женщины тоже услышали эту поступь во мраке и пришли в еще большее неистовое возбуждение. Они повернулись на гулкий, нарастающий звук и с громкими протяжными стонами припали к земле в почтительном поклоне.

Эржебет не видела то, что приближалось, но догадалась: там, в непроглядной темноте, таится нечто огромное и сильное, обладающее невероятной волей. Оно заставляет преклонять колени и исполнять все, что ему угодно.

Смрад усилился. В нем было нечто противоестественное и отталкивающее – не только из-за невыносимой вони, но и по самой своей сути, зловещей и жуткой. Эржебет задрожала, задыхаясь, но по-прежнему была не в силах бежать прочь, хотя слабый голос разума призывал ее не смотреть и не слушать. Как зачарованная она вглядывалась в слабые очертания тел, окутанных мраком.

– Прими наши дары, о Властелин! – над опушкой взвились отчаянные мольбы. И тотчас одна из женщин кинулась в сторону и из-под дубовых корней извлекла шевелящийся сверток. Из него доносился слабый, приглушенный писк. Женщина, низко склоняясь перед тем, что притаилось во тьме,

положила сверток на землю и медленно отступила.

Жалобный детский плач усилился, стал громче. Эржебет невольно встрепенулась: к чему приносить сюда невинного младенца, чей голосок тут же пропал в разросшемся, подобно буре, гомоне взбудораженных воплей? Но вскоре они умолкли, когда стих и плач. Он оборвался резко, в одно мгновение. С той стороны, откуда явилась густая мгла, что была темнее самой ночи, донеслось низкое раскатистое рычание – торжествующее, злорадное, голодное.

По опушке замелькали маленькие стремительные тени, и Эржебет поняла, что это черные кошки. Они возникали словно ниоткуда и почти сливались с темнотой. Маленькие проворные зверьки ринулись туда, откуда раздавалось хриплое дыхание, откуда несло запахом смерти и зла.

Эржебет так увлеченно наблюдала за происходящим, что не сразу заметила, что в ногу ткнулось что-то мягкое и пушистое. Девочка с удивлением разглядела крошечного котенка, молча взиравшего на нее. Какие же у него были глаза! Они призывно мерцали во тьме, словно раскаленные угли, но отливали странным зеленым огнем. Котенок уставился на нее, и девочке показалось, что она не в силах отвести взгляд от этих притягательных глаз. Эржебет взяла котенка на руки – тот не сопротивлялся.

Острая боль внезапно пронзила запястье, и Эржебет невольно вскрикнула, когда крошечные зубки пронзили кожу и плоть. Но тут же, словно извиняясь за содеянное, ко-

тенок принялся вылизывать шершавым языком крошечную ранку, отчего ее зашипало. Внутри побежали холодные ручейки, и неприятное онемение охватывало все сильнее – даже сильнее, чем тогда, когда она положила волшебный цветок под язык.

То ли от неожиданности, то ли из-за мерзкого козлиного зловония, плывущего в воздухе, у нее резко закружилась голова. Эржебет задрожала всем телом, покрываясь холодным потом. Котенок спрыгнул с колен девочки и уселся в траве, глядя на нее. Глаза его пылали все ярче, наливаясь адским огнем. Эржебет совсем ослабла. Не в состоянии опереться на трясущиеся руки, она прилегла в траву, краем глаза наблюдая за происходящим на поляне.

Костер ярко вспыхнул, но дальняя сторона опушки со сгустившейся тьмой так и осталась под ее покровом. Одна из женщин разносила огромное блюдо, с которого остальные хватали мертвые вороньи тушки и тут же яростно рвали их на куски, впивались в них зубами, быстро поглощая мясо, с которого еще капала густая кровь. Она стекала по лицам и телам, и ее тут же размазывали с довольным смехом. Эржебет зажмурилась и снова открыла глаза. Она еще никогда не видела, чтобы люди жадно ели мясо сырым или натирались кровью убитых животных.

Расправившись с трапезой, женщины упали на землю, содрогаясь, и огласили окрестности пронзительными воплями.
– Награда! Награда от Повелителя! – поднялся в воздух

оглушительный хор женских голосов.

Тьма шевельнулась, устремилась вперед, принимая очертания обнаженных мужских силуэтов. Эржебет показалось, что у них за спинами распростерлись широкие крылья, но возможно, это все были проделки коварной неясной мглы. Густой черный туман заволок лес и опушку, и только слабый, едва заметный отблеск костра пробивался сквозь эту тяжелую, мрачную завесу.

Иногда сквозь тьму потрясенная неведомым зрелищем Эржебет различала склонившиеся друг над другом, дергающиеся фигуры. Из мутного тумана доносились сладострастные стоны и крики, сквозь которые сдавленные женские голоса продолжали славить своего господина.

Зрение сыграло с ней невиданную шутку: женщины и мужчины потрясали руками, взмывали вверх, носились над деревьями с громким смехом и снова опускались вниз. И тогда, если они приближались слишком близко к огню, мелькали искаженные лица, закатившиеся в диком экстазе глаза, открытые рты, голые бедра и груди. Зрелище было невыносимо отталкивающим, порочным и мерзким.

Но Эржебет все еще смотрела, как замороженная, будто под воздействием черного колдовства. В ранке жгло, точно в кожу ткнули раскаленным железом, но вместе с тем ее охватывало и необъяснимое упоение. Котенок улегся рядом с ней, заглядывая в глаза. Его тихое урчание становилось все громче, смешиваясь с отголосками пронзительных воплей.

В какой-то миг Эржебет показалось, что ее тоже подхватила и увлекла вверх неведомая сила, отчего у нее все сильнее кружилась голова, пока она летала в этом непроглядном тумане под дикий, нестройный хор голосов.

Эржебет совершенно не помнила, как добралась обратно в замок. Не помнила, как преодолела весь тот долгий путь,

который привел ее на безумный шабаш. Но внутри что-то изменилось. У нее возникло смутное чувство, будто она стала другой. Словно кто-то невидимый поселился в ней – бестелесный, притаившийся до поры до времени. Он чего-то выжидал... Но чего?

А может, это был всего лишь странный сон – порождение фантазии, вызванной страшными нянькиными сказками? Она проснулась в постели от неприятного болезненного ощущения. Эржебет поняла, что во сне сильно прикусила и расцарапала собственное запястье, и ощутила на языке и губах солоноватый привкус крови. Ранка уже почти не кровоточила, но еще саднила.

Над ней нависла тень, и Эржебет ощутила прикосновение теплой ладони к щеке и ко лбу.

– Хвала небесам! – послышался дребезжащий голос няньки, и Эржебет непонимающе уставилась на нее. – Болезнь отступила.

– Болезнь? – пробормотала девочка. – Но я вовсе не больна!

И она поспешно спрятала руку под покрывалом, не желая расстраивать милую старушку. Та присела на край постели и на ее уставшем, добродушном лице мелькнула улыбка.

– Мы молились о твоём выздоровлении несколько дней, дитя, – проговорила она. – И наши молитвы были услышаны!

– Я не больна, – упрямо повторила Эржебет. – Только вчера ты уложила нас всех спать, как обычно. Помню ночь Свя-

того Георгия, мы слушали тебя и ... – она замолчала, внезапно заметив, что рядом нет кроватей сестер и брата. Девочка огляделась: это была уже другая комната – сквозь светлый полог просвечивал пылающий в очаге огонь, а плотные ставни закрывали окна, отчего, несмотря на утро, здесь царил полумрак. Пахло жженой полынью, и Эржебет разглядела воткнутый в медную чашу пучок тлеющей травы.

Старая нянька покачала головой и вздохнула.

– Ты была в беспамятстве четыре дня. Ой, как напугала нас! Зора ухаживала за тобой, от постели не отходила. Со всем из сил выбилась, пошла прилечь. Так что пока я за тобой присматриваю. Как ты себя чувствуешь сейчас, дитяtko?

Эржебет напрягла память. Судя по всему никто не знал, что она покидала замок. Она помнила, что бежала по подземному ходу, ощущала холодное дуновение на лице, шорох травы. А потом... все тонуло в непроглядном тумане и отблесках пылающего костра. Тревога стиснула сердце: почему-то из головы улетучилось почти все, что случилось в дремучем лесу, но она постаралась вернуть себе самообладание и ответила, что ее ничего не беспокоит.

– Замечательно! – няня снова заулыбалась. – Ты ведь не забыла, что в следующем месяце прибывает твой жених с матерью? Родители твои места себе не находят от беспокойства. Велели в церкви молиться о твоём здоровье. Как же не вовремя проявилась эта хворь!

Эржебет вспомнила о предстоящей помолвке, но теперь

она почему-то перестала занимать ее так, как раньше. Ей постоянно твердили о долге перед родом, который она обязана исполнить. Интересы семьи – превыше всего. Об этом трудно забыть. А если забудешь, тебе обязательно напомнят.

Эржебет попыталась вообразить себе лицо жениха, свою будущую брачную жизнь, но мысли отступали прочь. Их теснили странные, туманные образы, которые поселились у нее в голове.

Что же там было посреди мрачного леса? И как так вышло, что прошло уже несколько дней после ее ночного побега? Еще и некстати эта болезнь... С чего бы?

Знахарка Зора придирчиво осмотрела ее и напоила резко пахнувшим отваром с привкусом горечи. Эржебет не сопротивлялась. Ей нравилась эта седая старуха с яркими серыми глазами. От нее пахло травами и золой, а иногда палинкой или кислым вином. Каморка, в которой та обитала, была увешана сухими травами и уставлена пузырьками с непонятными настойками.

Зора всегда сердилась, если дети пытались забраться туда. Только она знала, сколько капель зелья нужно добавить в воду, чтобы прогнать застарелый кашель или печеночные колики. Капель больше – и у человека никогда ничего не заболит, ведь мертвецу неведомы страдания и боль.

И после этого происшествия знахарка посматривала на Эржебет пристально, будто заподозрила неладное. Но все же отчего-то молчала. Порой девочке казалось, что та глядит на

нее с пониманием, а на узких сухих губах мелькает кривая ухмылка. Будто у них появился общий секрет, о котором не нужно говорить вслух.

Мать и отец были теперь особенно заняты перед приходом гостей. Замок поспешно приводили в порядок. Нужно было вымыть окна, проветрить комнаты для гостей, вытряхнуть пыль из тяжелых балдахин и расшитых покрывал. Слуги суетливо сновали взад-вперед, натываясь на скучающих детей, старавшихся себя как-то занять.

Нянька, измотавшись, то и дело ругалась на чем свет стоит, если дети разбегались по замку и прятались в самых дальних переходах и залах, и ей приходилось долго разыскивать их, пока они не выпрыгивали со звонкими воплями, доводя ее до сердечного приступа.

В один из таких дней Иштван и Эржебет одновременно увидели черного котенка. Он неподвижно сидел на крепостной стене, сверкая ярко-зелеными глазами. Черная, как смоль, шерстка была гладкой и блестящей – совсем не похожей на шкуры тощих и облезлых котов, обитавших во дворе замка.

– Будет мой! – заявил брат, бросаясь вперед, но Эржебет поняла, что ни за что не уступит. Они вцепились друг в друга, отчаянно отбиваясь руками и ногами. Иштван был старше и крепче, но в этот миг в маленькой девочке пробудилась какая-то новая сила, которая потрясла ее саму.

Из ее горла вырвался нечеловеческий, почти звериный

рык, когда она вонзила ногти в лицо брата. Кровь так и забурлила, горячим потоком омыла тело изнутри, взор заволкло непроглядным туманом. Крики Иштвана доносились сквозь этот туман, пока Эржебет погружала пальцы в чужую плоть, рвала ногтями кожу, била кулаками вслепую, словно от этого зависела ее собственная жизнь.

– Прекрати, прекрати...

Истошные крики переросли в жалобное поскуливание. Эржебет внезапно пришла в себя, оглянулась, пытаюсь восстановить сбившееся дыхание. Старший брат отползал от нее на дрожащих руках, глядя со страхом и недоверием. Он не понимал, откуда в этой маленькой девочке взялась такая ярость – сокрушительная и беспощадная.

Эржебет утерла лицо, размазывая кровь по щекам. Она не чувствовала боли. Ее горячий взгляд устремился на черного котенка, который словно ждал окончания жестокой схватки, и теперь, лениво потянувшись, прыгнул со стены и направился к девочке. Она наклонилась, подхватила котенка и провела ладонью по лоснящейся шерсти. Точно дорогой шелк! Разбитые губы озарила улыбка.

Ох и досталось ей и Иштвану от матери! Если разбитое лицо брата не вызвало бы недоуменных взоров, то ей – будущей невесте – совершенно не пристало показываться на людях в таком виде. У семейства Надашди не должно закрасться и тени сомнения в добродетели Эржебет, в ее способности смиряться перед старшими или мужчинами.

– Но я всего лишь отстаивала свое, – твердила девочка под тяжелыми взглядами родителей. – Я первая нашла котенка. Он принадлежит мне.

– Девушке твоего положения не пристало драться, – возмущенно и строго проговорила Анна Батори, а отец одобряюще кивнул. – Ты не какая-нибудь крестьянская девка! Зачем я обучала тебя манерам и умению вести разговор? Запомни, что слово порой ранит сильнее плети. Ты должна учиться сдерживать себя с теми, кто равен тебе по положению, не говоря о других, кто стоит над тобой. А если бы перед тобой оказался сын короля? Ты знаешь, чем бы это все закончилось?

Эржебет пожала плечами. Ей некогда было вести дипломатические беседы. Все случилось так быстро, а горячая кровь, закипевшая в ней, велела броситься вперед и вцепиться в брата. Она никому не призналась, но ей понравилось бить его. То, каким он сперва был наглым и надменным, оттолкнув ее, а потом – как отползал, умоляя не трогать. И хотя лицо Эржебет покрыли синяки и ссадины, она едва сдерживала улыбку. Она ощутила притягательность власти и силы. Это открытие будоражило кровь. Разбитые губы еще болели – старая Зора ежедневно прикладывала к ним травяные примочки.

Несмотря на то, что отец хмурился, Эржебет видела в его глазах молчаливую поддержку. Стало быть, он все же гордился дочерью, гордился тем, что она презрела страх.

Но вслух Дьердь Батори сказал:

– Дитя, послушай-ка свою мать и меня. Мы надеемся, что это был последний раз, когда ты позволила себе подобное. Ты должна предстать перед женихом очаровательной и женственной, но никак не грубой и воинственной. Мужчинам по нраву добросердечные и ласковые женщины. Понимаешь?

– Да, отец, – Эржебет склонила голову. – Я сделаю все, чтобы понравиться Ференцу и его матери. Вам не придется краснеть за меня.

Сейчас никто бы не заподозрил ее в неспособности подчиняться. То, как она смиренно опускала глаза, с каким сдержанным достоинством принимала выговор, как нежен и ласков был ее голос, убеждало, что Эржебет не лукавит.

И она сдержала слово.

Анна опасалась, что на лице дочери останутся шрамы, но снадобья старой знахарки и молодость Эржебет сделали свое дело. Перед гостями, которых ожидали с особым волнением, предстала прелестная девочка с сияющей белой кожей, умным ласковым взором и изысканными манерами.

Когда крепкий и несколько угрюмый Ференц с поклоном предложил ей свою руку, чтобы проводить к столу, Эржебет поняла: беззаботное детство с его шалостями и играми кончилось. Смутные сожаления об этом рассеялись, как и недавний таинственный туман, что овладел ею.

Ее ожидала новая жизнь.

Глава 2. Туроци

1728 г.

Карета с грохотом въехала на булыжную мостовую в Битче, и дремавший в карете Ласло Туроци устало приоткрыл глаза. Первым делом он глянул на сиденье рядом с собой – удостовериться, что сундук с бумагами на месте, и только потом посмотрел в окно. На город медленно опускался теплый осенний вечер. Куда-то суетливо спешили горожане, проезжали всадники на горячих скакунах, мелькали бесконечные постоялые дворы и дома.

Туроци поерзал на сиденье, растирая больную спину. Зрелый возраст давал о себе знать. Он думал о том, чтобы скорее очутиться у Церкви Всех Святых, при которой располагался иезуитский дом. В нем с давних пор останавливались служители ордена, прибывшие издалека, а также решались важные вопросы, связанные с его деятельностью. Ласло преданно следовал девизу ордена *Ad maiorem Dei gloriam*², которому служил, не менее трепетно соблюдал его обеты, в числе которых было и обещание не копить богатств и блюсти скромность. И видит Бог, он по-прежнему не желал себе сла-

---

² К вящей славе Божией.

вы, благосостояния и роскоши, иначе бы не довольствовался простой каретой, от езды в которой у него уже болело все тело. Но и это он принимал как одно из испытаний, ему предназначенных.

Но выспаться на самой простой и чистой постели, утолить голод хлебом казалось ему сейчас сродни чуду. Такие неудобства, как длительные путешествия и больная спина, не могли заставить его отказаться от намеченной цели. Туроци разъезжал в неудобной карете не просто так. Он скрупулезно собирал сведения, чтобы написать один из главных, как ему казалось, трудов своей жизни, посвященный Венгерскому королевству и его правителям.

Размышляя об этом, он упрекал самого себя в слабости. Уж ему-то грех сожалеть о чем-либо: он вполне уважаемый человек, занимается любимым делом – преподает философию, риторику и теологию в иезуитской коллегии Надьсомбата – и когда-нибудь непременно станет ректором в этом весьма почтенном заведении. А теперь вот уже несколько месяцев изучает архивы и отыскивает в библиотеках все, что может пригодиться для написания книги.

Лошади замедлили и без того размеренный бег, грохот колес утих, и карета остановилась в узком переулке. Туроци вздохнул с облегчением. Наконец можно будет немного размять ноющие мышцы и отдохнуть за скромной трапезой.

Возница – юный послушник Томаш – распахнул дверцу, и Ласло, поблагодарив его кивком головы, выбрался из ка-

реты. Колокольня церкви с венчающим ее распятием возвышалась над городом, и иезуит тут же осенил себя крестным знамением, намереваясь позднее обязательно помолиться в храме. Гостевой дом располагался здесь же, но прятался за невысокой оградой и старыми каштанами.

Из-за ограды показалась тощая, нескладная фигура другого послушника, и Ласло невольно улыбнулся, вспоминая, как сам когда-то был таким же. Юноша, назвавшись Андрашем, поклонился, и Туроци попросил его вместе с Томашем позаботиться о сундуке в карете и отнести в отведенную ему комнату.

Он понимал, что, скорее всего, никто не посягнет на имущество святого ордена, но не хотел рисковать. Слишком долго он собирал сведения для книги, а воришки могли польститься на великолепно выполненную работу, какую представлял собой дубовый, обтянутый свиной кожей сундук. Для них содержимое не показалось бы значительным, а в гневе они могли, пожалуй, и повредить бумаги и книги.

– Отец Самуил, надеюсь, в добром здравии? – поинтересовался Ласло у Андраша и, услышав утвердительный ответ, направился в дом.

Последний раз он бывал здесь полгода назад: у ордена всегда находились важные дела, которые требовали скорейшего исполнения. Но сейчас его привело другое обязательство, которое также требовало не менее пристального внимания. Впрочем, и долго задерживаться Туроци не мог себе позво-

лить, хотя формально имел право оставаться в гостевом доме столько, сколько потребуется, однако внутренняя дисциплина настаивала на ином – соблюдении предписания, которое он сам себе назначил. Упорный труд, полная отдача и служение делу имели для него крайне важное значение.

Гостевой дом был скромно обставлен, но большего от него и не требовалось. Хотя орден располагал огромными средствами, все добываемые блага тратились на нужды католической церкви, пожертвования, открытие новых миссий, школ, коллегий и содержание его верных служителей. Ласло порой слышал о недостойном поведении внутри ордена, но сам предпочитал не отвлекаться на мирские соблазны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.